

ВЛАДИМИР МАРЧЕНКО

КОГДА НЕ ПРИХОДИТ ВЕСНА

ПОВЕСТЬ -
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

16+

Владимир Михайлович Марченко

Когда не приходит весна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43628479

SelfPub; 2019

Аннотация

Антиутопия – это место, где за тебя всё решено. Хотя сейчас трудно понять, где утопия, а где антиутопия. Не может разобраться в этом и социолог Эн Гэйл, обитатель планеты Авалон-6. Безднадёжный романтик, сломленный авторитарным строем, он рассуждает о жизни, любви, философии, деньгах и успехе. В этом ему помогает представитель другой цивилизации, более развитой и прогрессивной. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что прогресс и демократия тоже по-своему переделывают людей, превращая их в кукол-потребителей и навязывая убогие идеалы. И вырваться из этой пучины не способен никто.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

«Слышу голос, голос спрашивает строго,
А сегодня что для завтра сделал я?»
Из к/ф «Гостя из будущего»

Здесь будет всё: пережитое,
И то, чем я еще живу,
Мои стремленья и устои,
И виденное наяву.

Б. Пастернак «Волны»

Глава 1

Мы заглянули в тёмную щель. Обрушившиеся бетонные сваи оставляли немного пространства для любопытных глаз, но кое-что разглядеть удалось. Здесь вповалку валялись ржавые каркасы «ЛАЗов» и «ПАЗиков», в беспорядке громоздясь у бывшего входа в «Объект-38» Госрезерва Авалона.

– Ну что, лезем? – спросил чернявый Асад Мадов.

– Конечно! – хитро блеснули глаза Иськи Утмана.

Я молча кивнул, Ней сразу принялся пробираться в щель. Бункерная бомба AZ-3500 была прекрасным оружием. Почему в тот холодный и ветреный день, последний день существования Авалона, она отклонилась от заданного курса более чем на три километра и упала на самом краю полигона «Вершки-10», пробив толстенные бетонные укрепления и взорвавшись аккурат у въезда-входа в бункер Госрезерва, завалив его землей и тоннами железобетона? Неизвестно до сих пор...

Мы, пыхтя и вдыхая воздух, пролезли в щель – единственное открытое место, поскольку въезд засыпали землей и залили цементом. Местные пронирыливые мальчишки разрыли эту узкую вентиляционную полосу, соединявшую подземный мир с внешним, и водили сюда ребятишек из ближайших лагерей за всякие сладости. Нашим проводником был Асад Мадов – жилистый и смелый житель соседнего аула.

Пацаны спустились по верёвке и оказались на боковых стойках окон лежащего «ЛАЗа». Остро пахло сыростью и выделениями тех, кто не дотянул до поверхности либо наложил от страха.

Легко соскользнув вниз, мы оказались на бетонной дороге, покрытой плесенью и кустиками каких-то трав. Вокруг было очень темно, хотя двое из нас и водили вокруг фонариками.

– Сейчас перейдём в главный зал – там автономное освещение, – успокоил нас Асад.

Мы шли по широкому тоннелю, способному пропустить через себя и автопоезд, и тяжёлую «Гидру».

– А-а-а, – крикнул вдруг Иська, – труп!

Два луча скрестились в направлении его дрожащей руки. Разбитый противогаз, балахон химической защиты и тяжёлые ботинки.

– Это так, – спокойно сказал Асад, – местная шутка.

Иська зло посмотрел на «тело» и пнул его ногой.

Неожиданно впереди стало светлеть. Свет был бледным и очень приглушённым, но вскоре мы выключили фонарики и замерли в оцепенении.

Гигантское помещение с высокими сводами и уходящими вниз съездами было наполнено тем, что казалось необходимым для выживания в случае тотальной ядерной атаки Звездной империи. Рядами стояли тяжёлые грузовые тягачи, полностью герметичные и способные к автономному

движению в течение двух недель. Высились мобильные ракетные комплексы, предназначенные для поражения вражеских звездолетов на низких орбитах и организации прорыва для эвакуации выживших. Красиво белели новенькие автобусы, небольшие, покрытые защитной краской. Отдельно стояли немногочисленные мотороллеры и розовые «Дэу Матис». Эта техника должна была вывозить выживших военных, дабы их не отследили по большим лимузинам и броневикам охраны. К тому же эти «Матисы» защищены на случай химической атаки и расходуют всего около трех литров топлива на сотню километров дороги. Мотороллеры хранились для эвакуации отдельных граждан в обход радиоактивных «пятен».

Утман с гиканием кинулся к тяжёлым «Уралам» спутниковой связи. Не из любви к технике, просто за ними высились залежи круп, макарон быстрого приготовления, сухарей, чипсов (увы, выбирать не приходилось. Эта дрянь хранится более года, к тому же устойчива к проникновению радиации сквозь пакет). В прохладных рефрижераторах стояла сгущенка, соленья и варенья.

Мы с Неем подошли к ближайшему мотороллеру.

– Интересно, как он, на ходу? – спросил меня Ней.

– Вся техника заправлена под завязку, а ключи в замке зажигания, – крикнул нам Асад, забравшийся на бронемашину.

– Здорово! Прокатимся? – обратился я к Нее.

– Еще бы! Бросим жребий?

Первому кататься выпало мне. Я легко поддел стартер и мотороллер завелся с полуоборота. Маленькая «Стелла» послушно ждала, когда я добавлю газу. От избытка волнения, я слишком сильно крутанул ручку и взревевший мотороллер в считанные секунды пронёс меня по стометровой площадке и на полном ходу ударился в дверку неприметного «Москвича».

От удара я тяжело упал набок, ударив колено. Асад покачал головой, Ней кинулся поднимать «Стеллу», извлекая меня.

– Что же ты так? Гляди!

С этими словами он поднял мотороллер и плавно тронулся с места, огибая выступающие автомобили. Рев от двигателя эхом прокатился под сводами бункера. Я, после такого неудачного опыта, подошёл к краю съезда, уходящего вниз.

Куда вел съезд, определить было невозможно. Вход был защищён тяжелыми металлическими дверями, а внизу валялись разбитые «Матисы», мопеды, обрывки от пачек с едой и водой – явные следы чьих-то разрушительных выходов.

– Ребята, смотрите! – раздался визгливый голос Иськи.

Он бережно, хотя и крепко, сжимал автомат КА-147. Асад насторожился.

– Ися, осторожнее! Оружие здесь заряжено и готово к использованию.

– Знаю, знаю, – задыхался Иська, – ребята, давайте паль-

нём, а?

Подкатил Ней. Он оглядел автомат, затем Исю и усмехнулся.

– Знаешь, какая у него отдача? Тебя отбросит на спину...

– А вот попробуем, попробуем, – прыгал Иська.

– Стояночка! – раздался где-то под сводами уверенный и нагловатый басок.

Мы вскинули глаза. На одной из ракетниц стоял высокий парень с сигаретой и с прищуром поглядывал на нас. На плече у него болтался такой же автомат, только с убирающимся прикладом.

Асад хмуро глянул на него и заговорил, волнуясь, переходя на свой акцент:

– Грэй, дай ребятам погулять. Всо честно, они заплатили.

– Они заплатили тебе... А кто заплатит нам?

После этих слов из-за ракетниц, из кузовов, откуда-то сверху спрыгнули еще человек десять.

– Мои люди здесь живут, Асад. В гости с пустыми руками не ходят, верно ведь?

Асад молчал. Краска заливала его лицо.

– Всо, чэм они рассчитались, здэсь, – он скинул походный рюкзак.

Двое ребят из шайки известного на всю округу Грэя принялись небрежно рыться в рюкзаке.

– Маловато, Асад. Мы не жадные, но вы тут, кажется, стрелять собрались?

– Собрались, – неожиданно блеснул глазенками Утман. – Да подожди, Асад! – он стряхнул ладонь Мадова со своего локтя. – Вы кто вообще такие? Ваше это, что ли? Ну, ваше, ваше?

– Асадик, – миролюбиво сказал Грэй, – успокой своего чернявого, а не то я ему сам...

– Что сам, что сам? – взвизгнул Иська и вдруг заправским движением вздёрнул автомат, тыча дулом прямо в лицо Грэя.

Грэй побледнел, и лишь отступил на шаг.

– Парень, не дури! У нас тут у всех автоматы.

– Назад! Быстро лечь всем! Ты, рябой, тоже ложись! Руки! Руки! Чтобы видел! За голову! Эн, собери их автоматы!

– Ися, мы..., – начал Ней.

– Тихо! Эн, собирай!

Я медленно обошел скрипящих от злости зубами дружков Грэя и подобрал их автоматы, свалив их у Исиных ног.

– Так, теперь ты! Соберешь мне побольше сгущенки и пойдёшь с нами наверх.

– Ися, хватит, – тихо сказал Асад.

Утман обернулся, чтобы ответить и этого оказалось достаточно, чтобы Грэй схватил дуло, пытаясь вырвать автомат из рук нашего «бойца».

Ися рефлекторно нажал на курок. Ствол дернулся и пуля ударила в бронированную кабину грузовика, отлетев, она ударила в плечо Грэю, который заорал.

Утман испуганно выронил оружие и бросился наутёк,

шайка Грэя тоже подскочила и ринулась между рядами автомобилей. Грэй продолжал орать, а мы смотрели, как по его руке расползается темное пятно.

– Идиоты, что делаете?! – кричал он. – В кого стреляете?

Асад коротко кивнул и торопливо пошел мимо техники, мы поспешили за ним.

– Куда?! Стоять, сволочи! Всех, всех порешу! – Грэй дёрнулся за нами, но боль пронзила плечо и он остановился.

– Аптечки в пятом отсеке, думаю, сам знаешь, – коротко бросил Асад.

Мы перешли на бег. Взволнованные, выбрались по веревке наружу и стали ждать у щели.

Я смотрел вниз, пытаюсь разглядеть или услышать Иську. Всё-таки пришли мы вместе и уйти тоже должны вместе. Когда глаза заболели от напряжения, я посмотрел на товарищей. Ней глядел под ноги, Асад грыз травинку.

– Если через десять минут не появится, будем уходить, – твердо произнес Мадов.

– А как же?... – я снова глянул в щель.

– Десять минут, не больше. Нельзя рисковать.

После того лета я никогда не видел никого из этих ребят...

Вы можете себе представить, чтобы весна не пришла? Снег, который и без того лежит около шести-семи месяцев в году, не сходит; по-прежнему приходится носить массивную тёплую одежду с микроподогревом и пользоваться тер-

мообогревателем дома. Весна могла не приходиться к нам месяц, полгода, год.

Какой-нибудь ортодоксальный житель Вселенной возразит мне: «Позвольте, как же так? Ведь есть четыре времени года, примерно равной периодичности: лето, осень, зима и неизменно весна. Как же она может не прийти?»

Очень просто. Это действительно самое обычное дело у нас на Авалоне-6. Нашим источником света и тепла является H17 – красный неустойчивый квазаропульсар, который временами может снижать свою активность в силу непонятных причин, пока не выясненных нашими астрофизиками. Раз в пятьдесят лет он, напротив, увеличивается в размерах, усиливает свое гамма-излучение и тогда на Авалон-6 приходит жаркое лето: до +40 градусов Цельсия с повышенным уровнем радиации, от которого мы спасаемся в наших антирадиационных хибарах.

Если весна не приходит, это может означать только одно – наш квазаропульсар опять притух. Это ещё что! Вы слышали когда-нибудь историю планеты AA1? Её заселили немногочисленные космические эмигранты, пленившиеся мягким климатом и чистотой природы. Но оказалось, что основное Солнце TET и второе TEU стремительно растут и приближаются друг к другу. В один прекрасный день эти две звезды приблизились бы одна ко второй настолько, что уравновесили бы силу притяжения, действовавшую со стороны TET на AA1 и планета...остановилась бы. На ней установился

бы один сплошной жаркий день. Люди попытались наладить жизнь, смириться, но оказалось, что звёзды продолжают расти синхронно и сближаться друг с другом. Через сто лет им предстоит слиться в один супергигант – TETU. И планету оставили. Теперь она стала объектом наблюдений астрономов, вылазок романтиков-сталкеров и жадных до открытий ученых.

Простите, я увлекся и не представился. Меня зовут Эн Гэйл, я Социолог. Моя родина – планета Авалон-6, созвездие Н, Эллипсоидная Галактика. Мы называемся Авалон-6, потому что мы шестая по величине планета из 15, некогда составлявших Межпланетарный Союз (Авалон), который распался 30 галактических лет назад. С нами соседствуют Звёздная империя, состоящая из 51 малой планеты, расположенной близко друг к другу и Независимый Галактический Союз, которые именуют нас в своих репортажах «последней антиутопией Галактики». Мы не обижаемся.

Повсюду в бывших частях Межпланетарного Союза стоят памятники, отлитые по древней технологии, бронзовые идолы Человеку, принесшему Революцию. Я для себя кратко называю его «Вождём». Вождь и по сей день гордо возвышается на площадях, вблизи крупных Индустрий-заводов. В заброшенных райцентрах стоят гипсовые двойники Вождя. Когда-то его именем пользовались новые партии, провозгласившие Вождя символом и оплотом веры в Революцию Нового Века. Они избрали идиолом его, этого малень-

кого человечка, лишь благодаря постаменту возвысившемуся над людьми. У нас любят возвышаться за счёт различных приспособлений: звездолётов, уровней в жилом комплексе, трибун. А еще у нас любят унижать, особенно мертвых, обвиняя их во всех бедах. «Здесь любят воевать и бороться с прошлым задним числом, проклинать правителей, искать повсюду оправдания и ошибки. Особенно в этом заинтересованы новые либеральные консерваторы и демократы. Нынешнее руководство всегда сможет свалить вину на реакционеров и тени прошлого, кем бы они не были...». Эти слова гуру научной историкополитики Крайна, сказанные о нашей планете, вспомнились мне именно сейчас, когда я посмотрел на Вождя, продолжающего указывать верное направление спустя много лет после своей смерти и порядочного срока со дня гибели его творения – Межпланетарного Союза Свободных Комунн. Я давно заметил, что в разных местах Вождь указывает разные направления движения масс. Может, он сам не знал того пути, по которому следует двигаться? Возможно, обобщив все вероятные пути под единым названием «коммунизм», он хотел задать нам лишь общее направление, дорогу к совершенству, тропу добра и любви, а не доминанту сборища властолюбцев, бюрократов, коррупционеров и сопутствующее этому мнимое равенство, идентичность в нищете, когда человек успокаивает себя тем, что так у всех, а значит так и надо.

Мои мысли плавно вернулись к Авалону-6. Неужели

Крайн прав, порывисто и дерзко утверждая, что крах коммуны породил более издевательскую по отношению к населению форму правления, некий марионеточный, маскарадный, гипертрофированный государственный капитализм с искусственно инкрустированными в него частичками рынка свободной торговли и социализма? Гордый житель Звёздной империи выражается несколько витиевато, но суть улавливает безошибочно. Попытки вести на Авалоне-6 сколь-нибудь прибыльную частную деятельность вели к трем результатам: поглощению бизнеса государством, прекращению занятия деятельностью, добровольной сдачей государству после недвусмысленных намёков. Последнее активно транслировалось по цифровидению и преподносилось как образец поведения гражданина Авалона-6. Первые два варианта экспроприации всячески скрывались и охранялись той кастой людей, которую собирательно можно было назвать Чиновники.

Они имели доступ ко всему и ко всем. Люди боялись общаться на политические темы – собеседник мог быть негласным информатором, рядом мог быть вмонтирован микрофон или камера. Граждане просто исчезали, погибали, отдавали все свое имущество...

В глазах рябило от плакатов и видеозаставок: «Свобода, демократия, патриотизм», на которых были изображены белокурая девушка с венком дивных синих васильков, молодой человек в костюме, военный, сжимающий устаревший,

но по-прежнему надёжный КА-147. Взоры всех троих были устремлены к бескрайним полям, по которым угрюмо ползли автоматические комбайны и трактора. На другом плакате Всенародно Избранный держал малыша, машущего ручкой. Красная подпись гласила «Будущее – в руках народа!». Однако тот факт, что «будущее», символически представленное ребенком, держал не некий обобщенный «человек из народа», а именно Всенародный, наводило на мысль об обратном – будущее было в ЕГО руках, ибо народ олицетворяет не глава, а ЧЕЛОВЕК, обычный человек – смелый, гордый, целеустремлённый, честный и мужественный. «Горжусь!» – громко кричал третий стереоплакат. На нем был изображен сотрудник полиции – крепкий малый и его мать-старушка, утирающая счастливые глаза. Изображение пришло в движение, парень расплылся в широкой улыбке и дружески подмигнул, а старушка вытерла глаза и положила руку на плечо сына.

Я вспомнил странный бунт, когда группа молодёжи из тайной партии «Чёрный фронт» напала на здание Министерства внутренних дел. Вспомнился момент начала атаки, показанный всеми государственными каналами. Два робота-ходули, стоящие по бокам от входа, ожили при приближении группы людей. Металлические голоса произнесли: «Внимание! Вы несанкционированно двигаетесь ко входу в правительственное учреждение». Молодые люди уже начали бросать булыжники в бездушные черные окуляры робо-

тов. Те перешли в боевой режим: «Тревога! Попытка нападения на охраняемое здание! Огонь будет открыт через пять секунд!». Ровно через пять секунд в приближающихся молодых парней и девушек полетели крепкие резиновые пули. Роботы поливали людей без разбора. Один парень потом рассказывал, что пули очень сильно бьют по телу, особенно если участок не защищен. После зачистки роботами, улицу заблокировали броневики со спецотрядами. Такие же вот молодые парни, как на плакате, лупили электрическими дубинками убегающих, пинали их ногами, волокли в фургоны. Когда всё немного успокаивается, камера скользит по рядам трупов. Диктор четко произносит фразу о том, что «пьяные хулиганы напоролись на новую систему электроограждения». Но в коридорах поликлиник, транспорте и на улице люди тихонько перешёптываются: «Их расстреляли. Боевые роботы имеют стандартные пули седьмого калибра для отражения вооруженной атаки». Затем, когда в новостях, ровно через месяц, торжественно объявили о вводе в строй новой электроограды вокруг здания МВД, я понял, насколько безгранична ложь и коротка память у властимущих на Авалоне-6.

Глава 2

В тот год редко шли дожди. Её я увидел как раз в нетипичный дождливый день, через два месяца после начала учебы. Словами не описать, понять невозможно, остаётся только почувствовать. Когда она проходила мимо, я смотрел. Она проплывала, я закрывал глаза. Она летела, я глядел мимо. Она мелькала вдалеке, я вглядывался. Она шествовала, я опускал взгляд. Она пробегала, я оборачивался. Она спешила, я замедлялся. Она смотрела на меня, я – на неё. Так мы и жили: отдельные, разорванные, но уже связанные, ещё не вместе, но уже – рядом.

Мелькали дни, уроки, лица, блики редкого зимнего солнца, тройки и десятки, пропущенные голы и взятые мячи, пройденные и заброшенные компьютерные игры, съеденные обеды и недоеденные завтраки, новостройки и знакомые пятиэтажки, под ногами хлюпала вода. Неизменным теперь оставалось только одно – ожидание встречи с тобой...

Били далёкие столичные куранты, шампанское переливалось через края бокалов, снег едва доходил до щиколоток, тринадцать горнолыжников разбились в Тегусигальпах. Я пожелал только одного – тебя...

Потом преддверие сказки окончилось, всё опять пошло как всегда. Ночи сменяли дни, ночи были долгими, ветер завывал в щелях между антирадиационными ставнями, мо-

розы приковывали звездолеты к земле, трубы лопались ежедневно. Зима затягивалась, небо было налито свинцом, посыпались предвыборные обещания кандидатов во Всенародные, инфляция прыгнула вверх, Авалон-1 потребовал рассчитаться за натуральное топливо. Но это всё было далеко, не важно, не нужно. Нужна была только ты.

Заканчивались каникулы, потонувшие в безделье, морозы ослабевали, я не видел тебя целую неделю, и ты была такой новой, такой недоступной и такой желанной.

Мне надели красную повязку дежурного и я бродил по тихой школе во время уроков, вышагивал по коридорам, расцвеченным под летнюю аллею. Над головой светило псевдосолнце, шелестели листья, щебетали редкие птицы, дорога казалась бесконечной. Неожиданно из последнего класса вышла ты и направилась прямо по аллее ко мне.

И тогда пришла весна.

Белоснежный, с красно-синей полосой на борту, двухъярусный звездолёт чужих авиалиний мягко посапывал соплами вертикального взлёта-посадки и легко самортизировал на бетон нашего аэропорта Синеркус-2. К нему резво покатили автотрапы с выдвижными лестницами.

Я смотрел, как пассажиры выходят из тёмного провала в корпусе звездолёта и не спеша спускаются к зонам досмотра.

Мне хотелось оттянуть момент нашего знакомства с социологом Звёздной империи Ариадной Дэнис. Я, разуме-

ется, уже видел её на экране своего начальника, когда он долго и нудно инструктировал меня о том, что обязательно стоит показать и рассказать нашей гостье, а о чём она не должна знать. Чужестранке следовало узнать о нашей планете только то, что значилось в Инструкции как сведения, доступные для усвоения инопланетниками. Наконец, он молча придвинул мне сенсорный планшет, где я должен был черкнуть свою цифровую подпись под словами «С правилами ознакомлен». Увы, инструктаж на этом не закончился. Начальник услужливо распахнул дверь перед майором службы Внутренней безопасности, который смерив меня полупрезрительным взглядом, уселся в кресло. Видимо, я ему не понравился (и это было взаимно):

– Почему именно этот?

– Таково условие мисс Дэнис. Она много читала о нашей планете, но больше всего ей понравились статьи Гэйла.

– Ещё бы! Они не могли ей не понравиться, потому как гражданин Гэйл слишком смел в своих высказываниях и иногда позволяет себе сомневаться в правильности пути сильной и процветающей планеты Авалон-6. Вива Авалон!

– Вива! – подобострастно щёлкнул каблуками начальник.

Я остался неподвижен, чем окончательно вывел майора из себя.

– Гражданин Гэйл, видимо, считает что его псевдопрогрессивные идеи могут и дальше печататься и распространяться. Здесь он ошибается, – сверкнул глазами майор. –

Нам надоело возиться с оппозицией, которая финансируется звёздноимперцами, Независимым Галактическим Союзом либо прихвостнями с Авалона-1. Мы намерены привлечь некоторых особо рьяных противников политики Всемирно Избранного к ответственности. В полной мере это коснётся тех, кто будет встречаться с агентами западных спецслужб, – майор сжал руки и посмотрел, как мне показалось, прямо в душу.

Дело принимало скверный оборот. Мои смелые статьи, оказывается, приковали внимание тех людей, чей повышенный интерес был мне вовсе не нужен. Неважно, кто сидел передо мной – майор Внутбеза, или капитан Народной полиции, или крючоктворец из Комитета общего надзора – все они «Чиновники», у них у всех есть полномочия в любой момент отправить меня на урановые рудники или обслуживать свалку в Зоне-7.

– Что я должен делать? – сглотнув, спросил я.

– Ничего сверхъестественного. Излагать в беседах с западным гостем официальные данные об урожае, валовом продукте, производстве, безработице, инфляции. Рассказывать, что на нашей планете созданы все условия для учебы, работы, нормальной жизни. Словом, чему я вас учу?! Вы должны отвечать как достойный гражданин Авалона-6...

– Как достойному гражданину, мне надоело смотреть на пьяниц, коррупцию, вседозволенность!

– Тише-тише. Может, вы предпочитаете ораторствовать,

стоя перед урановой шахтой? То-то. Правительство работает. Всенародный лично контролирует наиболее важные сферы общественной жизни, устраняет нерадивых чиновников. Беспокоиться не о чем.

Этот малоприятный, но типичный в подобных ситуациях разговор, снова, так некстати, всплыл у меня в памяти. Тем временем, пассажиры уже продвигались через контрольно-пункты.

Ариадна появилась в конце небольшой очереди. Типичная звёздноимперка в моем представлении – невысокая, слегка полноватая от генно-модифицированной «быстрой» пищи, со штампованной белоснежной улыбкой, обнажающей верхний ряд зубов, в анτισолнечных очках (это сейчас-то, в мае, когда весна к нам так и не пришла!).

Очередь продвигалась. Мимо меня прошел звёздноимперец в ковбойской шляпе с сигарой в зубах, лениво поглядывавший на работа, везшего его багаж. Наконец, мисс Дэнис заняла свое место у КПП.

Пройдя досмотр, она стремительно пошла вперёд и тут увидела меня.

– Мисс Дэнис?

– Да, добрый день! (штампованная улыбка). Вы социолог Эн Гэйл? Очень рада знакомству! – она протянула мне маленькую ручку.

– Здравствуйте, мисс Дэнис!

– Можно просто Ариадна (снова улыбка).

– Да, Ариадна, я буду рад помочь вам в более детальном изучении нашей планеты. Но вы, вероятно, очень устали?

– Если честно, чертовски, Эн. Можно я буду вас так называть? Давайте на сегодня договоримся о следующем – я отдохну в отеле, а завтра с утра мы встретимся и начнём исследования.

– Хорошо мисс... Ариадна.

Мы спустились к стоянке таксолётов.

– Вы не водите звездолёт? – удивлённо спросила меня девушка.

– Нет, я слишком рассеян для этого. К тому же стоимость такси у нас копеечная, это одно из завоеваний нашей комплексной частно-государственной экономики.

Я постарался выбрать таксолёт получше, но от внимания Ариадны не ускользнуло, что большинство такси составляли звездолёты старых моделей.

– Куда? – небритый шофёр повернул свое бледное лицо ко мне.

– Отель «Империиум», – ответила Дэнис.

– Сделаем, – коротко бросил шофер и мы, слегка покачиваясь, взмыли над бетонной площадкой.

Я смотрел на знакомый Метрополис, пока мы двигались по выделенному уровню. Знакомые многоэтажки, магазинчики, трассы. Глядя на все это «великолепие», я думал, как мне убедить эту девушку, что Авалон-6 практически земной рай.

Глава 3

«Оглянись вокруг. Посмотри, как живёт сегодня большинство жителей нашей планеты. Жизнь абсолютного большинства из нас – это сценарий, расписанный до последней мелочи, и расписанный, в основном, без нашего участия. Человек рождается вне зависимости от его желания: то, кем он будет впоследствии зависит обычно от воли его родителей. Сначала школа, потом, если это юноша, то армия, потом ПТУ и работа на предприятии, ничтожная зарплата, хамство оборзевших начальников, ежедневное вкалывание на того, кто волею судьбы, или благодаря собственной наглости пролез выше тебя по иерархической лестнице. Утром на работу. Вечером с работы. Потом – синтопиво (как вариант – синтоводка) и цифровизор или SETI, в которых показывают то, что ты должен видеть или чего у тебя нет и никогда не будет. Это искусственная реальность, где всё как по нотам. Глядя в неё, хочется жить так же красиво, как «питекантропы», скачущие на экране, иначе чувствуешь себя неполноценным, неправильным, отсталым. Но ведь для «красивой» жизни нужны деньги! Одному можно кое-как прожить на официальную зарплату, но что делать, если есть дети, которых нужно кормить и одевать, а потом и платить за их учебу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.